

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Билеты «Комплексные исследования интеграционных процессов» — пробный билет

Один полный билет из пособия — посмотрите формат перед покупкой:
обложка-конспект, тезисы для повторения и развёрнутый ответ. В
полном пособии — все 58 билетов, 372 страницы.

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

МГИМО МИД России · магистратура

ПРОГРАММА

«Комплексные исследования интеграционных процессов», 41.04.05 / 38.04.01

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ · БИЛЕТ КО1 · ДЕМО

Основные теории международной интеграции, их применимость на практике.

■ Классические теории интеграции

- Федерализм (Марк, Моннэ, Спинелли) — «сверху вниз»: сразу передать полномочия надгосударственным органам;
- Функционализм (Митрани, 1943) — «снизу вверх»: начинать с экономики, не с политики, чтобы не пугать суверенитетом;
- Неофункционализм (Э. Хаас) — ключевое понятие «спилловер» (spillover): интеграция в одной отрасли перетекает в другие;
- Коммуникативный подход (Дойч) — интеграция как «сообщество безопасности»: мир держится на доверии, а не на институтах;
- Либеральный межправительственный подход (Э. Моравчик) — интеграция как удобный для правительств режим сотрудничества.

■ Стадиальная модель Балаши (1961)

- ЗСТ → таможенный союз → общий рынок → экономический и валютный союз → полная интеграция;
- на практике ЕС стадию ЗСТ пропустил — сразу пошёл к таможенному союзу и наднациональным органам (ЕОУС уже в 1951 г.);
- доля взаимной торговли (2023–2024): ЕС ≈ 61%, АСЕАН ≈ 21%, МЕРКОСУР ≈ 11% — цифры учебников середины 2010-х устарели.

■ Негативная/позитивная интеграция (Я. Тинберген, 1954)

- негативная — снятие барьеров;

- позитивная — создание общих институтов и политик (инфраструктура, налоги).

■ **Незападные и авторские модели**

- Скрепляющая интеграция (ЕАБР, ЕАЭС) — реинтеграция после распада единого государства: разрыв связей дороже сохранения;
- Теории нового регионализма (Б. Хеттне, М. Бисон) — ЕС не эталон, а частный случай; регионализм эндогенен и локально специфичен;
- Теория OLI (Дж. Даннинг) — один аппарат объясняет и интеграцию ТНК в цепочки, и решоринг.

■ **Применимость на практике**

- АСЕАН — от производственного к стратегическому регионализму; МЕРКОСУР — гибрид; ЕАЭС — линейная модель под постсоветские реалии;
- «элитный картель» — и в ЕС, и в Азии решения на деле принимают саммиты глав государств, а не наднациональные органы.

■ **РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ**

■ **Вводный контекст**

Международная интеграция — процесс сближения экономик, политических систем или обществ нескольких стран, ведущий к образованию нового качества, не сводимого к простой сумме элементов. Начиная с 1950-х годов, когда шесть европейских стран запустили проект, впоследствии ставший Евросоюзом, учёные пытаются объяснить, почему государства добровольно ограничивают часть своего суверенитета ради общего целого. За семь десятилетий накопился целый набор конкурирующих теорий — они расходятся в том, кто движет интеграцией (государства или общественные группы), с чего она должна начинаться (с экономики или с политики) и есть ли у неё универсальная логика. Ниже разобраны основные школы и то, как они работают — или не работают — на реальных объединениях: Евросоюзе, ЕАЭС, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР.

■ **Федерализм и функционализм: два противоположных старта**

Первые теоретические споры об интеграции возникли ещё в межвоенный и первые послевоенные годы и разошлись по вопросу «с чего начинать».

Федерализм (представители — Ж. Моннэ, У. Халльштайн, позже А. Спинелли и А. Этциони) предлагал путь «сверху вниз»: интеграция должна сразу опираться на передачу части полномочий надгосударственным органам, а конечная цель — создание нового крупного политического образования, союза не государств, а людей. Форма (наднациональные институты) для федералистов важнее содержания.

Функционализм, основанный британским социологом Дэвидом Митрани в работе 1943 года «Мир и функциональное развитие международной организации», предложил обратный путь — «снизу вверх». По Митрани, начинать интеграцию с политических вопросов опасно: государства слишком дорожат суверенитетом и заблокируют любую инициативу. Поэтому сначала нужно выстраивать сотрудничество в «низкой политике» — торговле, транспорте, здравоохранении, науке, — а уже накопленная взаимозависимость подготовит почву для более глубоких, в том числе политических, решений.

На практике оба подхода частично оправдались и частично провалились: с одной стороны, Европейское объединение угля и стали 1951 года стартовало именно с узкой экономической сферы (по функционалистской логике), но уже включало наднациональный орган — Высшее руководящее управление, что ближе к федералистской идее. Реальная траектория европейской интеграции с самого начала совмещала оба элемента, а не разворачивалась последовательно от одного полюса к другому.

■ Неофункционализм и спилловер

Неофункционализм, разработанный Эрнстом Хаасом на основе функционализма Митрани, стал самой влиятельной теорией для объяснения именно европейского случая. Его центральное понятие — спилловер («перелив»): интеграция, однажды начавшись в одной отрасли, порождает функциональное давление на смежные отрасли и постепенно распространяется дальше, вовлекая всё больше сфер и требуя всё более развитых институтов. Спилловер может принимать функциональную форму (экономическая взаимозависимость тянет за собой новую координацию), политическую (элиты пересматривают свои интересы в пользу наднационального уровня) или культивированную (наднациональные институты сами продвигают дальнейшую интеграцию).

Хаас сделал акцент на роли социальных групп и наднациональных институтов (например, секретариатов и комиссий), а не только государств — это отличает неофункционализм от чисто межправительственных теорий. Однако практика проверила эту логику неровно: спилловер не сработал в 1950-е годы (Европейское оборонное сообщество провалилось, несмотря на успех ЕОУС), зато сработал в 1990-е при создании Единого внутреннего рынка ЕС. Критик неофункционализма Стэнли Хоффман (реалистская школа) указывал, что региональные объединения исторически случайны и зависят от политической воли государств, а функциональная интеграция не может автоматически перерасти в политическую — этот скептический взгляд преобладал в 1970-е годы на фоне явного застоя европейской интеграции.

■ Коммуникативный подход и либеральный межправительственный подход

Карл Дойч предложил принципиально иной взгляд — не через институты, а через коммуникацию. Его подход (иногда называемый транзакционализмом, развитым также Ричардом Ван Вагененом) рассматривает интеграцию как процесс обучения: страны формируют общие символы, идентичность, привычки взаимодействия и ценности, «учатся становиться народом». Итоговый результат — не формальный союз, а «плюралистическое сообщество безопасности», в котором участники ощущают растущую уверенность в отсутствии войны между собой и разрешают конфликты мирно, без юридического объединения (в отличие от «соединённых сообществ безопасности», возникающих через формальную федерацию). Показатель такой интеграции — рост «транзакций»: объёмов торговли, туризма, личных контактов.

Либеральный межправительственный подход, разработанный Эндрю Моравчиком в 1990-е годы, вернул в центр внимания государства, но описал интеграцию иначе, чем классический реализм. По Моравчику, интеграционное объединение — это режим успешного межправительственного сотрудничества в условиях экономической взаимозависимости; анализ идёт на двух уровнях — внутригосударственном (формирование национальных предпочтений под давлением групп интересов) и межгосударственным (переговорный

торг). Национальные правительства охотно соглашались на внешние ограничения суверенитета, если наднациональные институты помогают им укрепить автономию относительно внутренних социальных групп — то есть наднациональность в конечном счёте служит национальным интересам, а не подрывает их.

■ Стадиальная модель Балаши и классификация Тинбергена

Отдельная линия теорий описывает не движущие силы интеграции, а её измеримые формы. Венгеро-американский экономист Бела Балаша в 1961 году в книге «The Theory of Economic Integration» предложил классификацию из пяти последовательных стадий: зона свободной торговли (снятие таможенных барьеров между участниками) → таможенный союз (плюс единый внешний тариф) → общий рынок (плюс свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы — «четыре свободы») → экономический и валютный союз (единая валюта и согласованная макроэкономическая политика) → полная экономическая и политическая интеграция. Эта модель остаётся самой разработанной теорией региональной экономической интеграции спустя более полувека, но именно на примере самого Евросоюза она даёт сбой: ЕС на практике пропустил стадию зоны свободной торговли и сразу двинулся к таможенному союзу, поскольку расчёты показывали невыгодность промежуточного этапа — преимущества транзита достались бы стране с самым низким внешним тарифом. Работа над валютным союзом при этом шла параллельно с формированием единого рынка, а не строго после него, а наднациональные элементы (тот же ЕОУС) появились уже на старте — то есть реальная траектория характеризовалась наложением стадий, а не эволюционным восхождением «от простого к сложному».

Голландский экономист Ян Тинберген в 1954 году предложил другое деление — по механизму действия: негативная интеграция устраняет межстрановые барьеры (согласованное снятие дискриминационных норм), позитивная — создаёт дополнительные общие институты и стимулы (расширение инфраструктуры, гармонизация налогов, единая экономическая политика). Историк экономики Джейкоб Вайнер, в свою очередь, разделил статические эффекты таможенного союза — эффект создания торговли (рост взаимной торговли, особенно между приграничными регионами) и эффект отклонения торговли (переключение закупок с более эффективного внешнего поставщика на менее эффективного партнёра по союзу) — оба проявляются в первые годы после образования объединения.

Индикатором глубины интеграции часто служит доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте объединения. Данные учебника (ориентировочно середина 2010-х, точный год в источнике не указан) — ЕС 67%, АСЕАН 28%, МЕРКОСУР 15% — за прошедшее десятилетие заметно устарели: по актуальным данным Евростата и региональной статистики на 2023–2024 гг. доля взаимной торговли составляет у ЕС около 61%, у АСЕАН около 21%, у МЕРКОСУР около 11–12%. Для НАФТА/USMCA и СНГ сопоставимый показатель сильно зависит от методики подсчёта (доля во внешней торговле США в целом против доли во внутрирегиональном обороте блока), поэтому конкретную актуальную цифру здесь не приводим — важна тенденция: интенсивность взаимной торговли во всех блоках, кроме ЕС, остаётся сравнительно невысокой.

■ Незападные и авторские теории: скрепляющая интеграция и новый регионализм

Классические теории интеграции разрабатывались применительно к Европе и предполагают, что ранее независимые государства повышают связанность и постепенно передают полномочия наднациональному уровню. Но эта модель плохо описывает регионы, ранее бывшие единым государством или империей — например, постсоветское пространство. Для таких случаев Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития предложил теорию скрепляющей интеграции (*binding integration*): это проект региональной интеграции, инициированный группой стран, до недавнего времени входивших в состав единого политического или экономического объединения и сохраняющих высокий уровень экономических, политических и культурных связей. У скрепляющей интеграции и стартовая точка, и конечная цель могут отличаться от классической модели: региональная целостность — вопрос не только будущего, но и прошлого региона. Отсюда характерная U-образная динамика: резкая дезинтеграция сразу после распада единого государства, а затем реинтеграция на основе межправительственного сотрудничества. И здесь работает логика, обратная классическим теориям: если в западной литературе внешние шоки и кризисы обычно снижают вероятность прогресса интеграции (растёт протекционизм), то в модели скрепляющей интеграции разрыв уже существующих связей обходится дороже их сохранения — поэтому экономический спад способен, наоборот, подтолкнуть страны к кооперации. Страны бывшего СССР — по мнению авторов теории, «практически идеальный» случай: унаследованная инфраструктура, культурная близость, общий русский язык (более половины населения бывшего СССР говорит по-русски и смотрит российское телевидение), семейные связи между новыми независимыми государствами. Именно прагматический, а не идеологический подход — с акцентом на интеграцию как инструмент, а не цель, и на «интеграцию снизу» (реальные потоки товаров и труда, а не декларации) — обеспечил, как утверждают сторонники этой теории, становление ЕАЭС после двух десятилетий во многом «риторической» интеграции 1990–2000-х годов.

Ещё один вызов европоцентричности классических теорий пришёл с другой стороны — от «теорий нового регионализма», сложившихся с 1990-х годов (Бьёрн Хеттне, Марк Бисон, Т. Дж. Пемпел, Питер Катценштайн, Кристофер Дент). Они отказались от идеи, что европейский опыт обладает универсальной объяснительной силой, и предложили считать интеграцию ЕС лишь одним из частных случаев регионализма, а не нормативным эталоном. Аргументация строится на двух тезисах: во-первых, регионализм — эндогенный процесс, обретающий неповторимый облик под влиянием местных факторов; во-вторых, современный мир радикально отличается от мира 1950-х годов, когда зарождалась западноевропейская интеграция, поэтому её повторение в других условиях попросту невозможно. Питер Катценштайн предложил более гибкий, свободный от жёсткого экономического критерия комплекс признаков взамен детерминизма «пятичленки» Балаши, а британский исследователь Марк Бисон прямо заявил: нет никаких оснований считать, что европейский опыт задаёт единственную исторически возможную форму регионального взаимодействия. Показательный пример двойного стандарта в оценке: одна из ведущих российских исследовательниц европейской интеграции Ольга Буторина заметила, что если оценивать региональную интеграцию по критериям евроинтеграции, то «НАФТА беспомощно застряла на начальном этапе, а АСЕАН только приближается к нему» — именно такой евроцентричный взгляд и пытаются преодолеть теории нового регионализма.

■ Теория OLI и интеграция бизнеса

Отдельная, более узкая, но показательная теория касается не государств, а компаний. Теория OLI (Owner–Location–Internalization) экономиста Джона Даннинга объясняет происхождение, масштаб и структуру зарубежной деятельности транснациональных корпораций через три группы факторов: преимущества владения (собственные технологии, бренды, компетенции), преимущества местоположения (выгоды конкретной страны — ресурсы, рынок, издержки) и преимущества интернализации (выгоднее делать что-то внутри компании, чем через контракты с внешними партнёрами). Ценность этой теории для практики в том, что один и тот же аналитический аппарат одинаково хорошо описывает и встраивание компаний в глобальные цепочки создания стоимости (интеграцию), и обратный процесс — решоринг, то есть возврат производства в страну базирования: решение в обоих случаях определяется тем же балансом трёх факторов, просто с другим знаком.

■ Практика: как разные объединения выбирают разные модели одновременно

Сильная сторона многотеоретического взгляда в том, что он объясняет, почему разные интеграционные объединения одновременно живут по разным моделям, а не по единому сценарию. АСЕАН прошла путь от производственного к более стратегическому регионализму. МЕРКОСУР сочетает черты стратегического, социального и производственного регионализма одновременно — это не «недоделанная» интеграция, а гибридная модель. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, напротив, движется по классической линейной стадийности Балаши — от зоны свободной торговли к таможенному союзу, общему рынку и валютному союзу. ЕАЭС в этом ряду занимает промежуточное положение: институционально он во многом повторяет линейную наднациональную модель ЕС (правовые механизмы, структура органов), но содержательно адаптирован под логику скрепляющей, а не классической интеграции.

Показателен и пример «элитного картеля»: и в Евросоюзе, и в Восточной Азии на практике ключевые решения принимает не столько формальный наднациональный орган, сколько саммиты и советы глав государств — механизм, вовлекающий узкий круг чиновников и лидеров при минимальном участии национального электората. Это ставит под вопрос «классический» признак евроинтеграции — якобы решающую роль наднациональных институтов — даже в самом ЕС, где решения в Совете министров примерно в 80% случаев принимаются консенсусом, а не формальным голосованием большинства.

Двигателем интеграции в разных регионах также выступают разные психологические механизмы. Западноевропейский и восточноазиатский проекты в равной мере можно описать через «синдром страха» — реакцию на негативный исторический опыт: в Западной Европе это страх повторения войны и германского реваншизма, в Восточной Азии — страх диктата внерегиональных держав. При этом в Европе интеграцию с самого начала «тащили» сильнейшие державы (шестёрка вокруг Франции и Германии), тогда как в Восточной Азии решающую роль в институциональном оформлении сыграли малые и средние страны АСЕАН, а крупные игроки — Япония и Китай — были вынуждены принять формат АСЕАН как единственно приемлемую площадку для переговоров.

■ Итоги и значение

Единой общепризнанной теории международной интеграции, которая объясняла бы явление целиком, не существует — и это признают сами специалисты: слишком по-разному теории оценивают роль национальных правительств, степень наднациональности и универсальность европейского опыта. Практическая ценность многотеоретического подхода именно в этом разнообразии: федерализм и функционализм задают вопрос «с чего начинать»; неофункционализм через спилловер объясняет расширение интеграции вглубь; коммуникативный подход Дойча смещает акцент с институтов на доверие и идентичность; либеральный межправительственный подход возвращает в фокус рациональный интерес государств; стадияльная модель Балаши и классификация Тинбергена дают инструментарий для измерения глубины интеграции; теории скрепляющей интеграции и нового регионализма снимают европоцентричность и объясняют незападные случаи — включая постсоветское пространство; а теория OLI связывает интеграционные и деинтеграционные процессы на уровне бизнеса единым аналитическим языком. Для экзаменационного ответа важно не выбирать «одну верную» теорию, а показывать, какая рамка объясняет какой конкретный кейс лучше других — именно так теории и работают на практике.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Билеты «Комплексные исследования интеграционных процессов»» — все 58 билетов, 372 страницы в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый билет — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон [+7 \(925\) 886-41-35](tel:+7(925)886-41-35)

E-mail info@exambooster.ru

Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. • ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.